

в Москве. М., 1959. С. 204), позднее — в бывшем Александринском театре в Петрограде (1923).

В годы нэпа наметилось изменение позиции Л. в области драматургии и театра. Его отказ от интимно-бытовых пьес в пользу героико-романтической драмы, характерный для первых лет революции, сменился признанием необходимости «театра бытового и этического» (О театре и драматургии. Т. 1. С. 248), преемственно связанного с русской реалистической классикой. Новая творческая программа получила лаконичное выражение в его известном лозунге «назад к Островскому» (1923): она была реакцией на назревшие задачи драматургии. Однако обращение самого Л. к жанру психологической драмы на советском материале в пьесе «Яд» (1925) не дало значительного творческого результата: получилась скорее мелодрама с интригующим сюжетом о сыне, покушающемся на убийство своего высокопоставленного отца. Показателен уже состав персонажей этой пьесы: матерый иностр. шпион (Полуда), скрытые контрреволюционеры, развращенная, балующаяся кокаином молодежь (Валерий, Римма), бдительные комсомольцы (Бор-Бор, Мохов), наконец, нарком Шурупов, накрывающий в финале вместе с агентами ГПУ группу предателей и заговорщиков. Независимо от намерений автора, озабоченного, как видно, большими явлениями в среде молодежи, пьеса объективно подыгрывала зарождавшейся в то время атмосфере подозрительности, шпиономании — этой реальной и поистине зловещей трагикомедии, последствия которой для жизни страны в полной мере проявятся в дальнейшем. Не только «Яд», но и др. пьесы Л. середины 1920-х — начала 1930-х — «**Медвежья свадьба**» (1924, по мотивам новеллы П. Мериме «Локис»), «**Поджигатели**» (1924), «**Бархат и лохмотья**» (1927, переработка пьесы немецкого драматурга Э. Стюкена), «**Пролог в Эсклавии**» (1932, совместно с А. Дейчем) — по своему уровню и значению уступают его философским и историческим драмам периода революции и Гражданской войны. На этот предшествующий период приходится и наибольшая популярность Л.-драматурга. Особенность писательского дарования Л. заключалась в том, что образное воплощение мысли ему удавалось в большей степени, чем изображение быта. Его пьесы, как заметили еще современники, по природе своей рационалистичны, мыслительное начало в них почти всегда довлеет над конкретно-чувственным, эмоциональным.

Л. нередко приходилось слышать упреки в несценичности своих пьес, недоступности их для простого зрителя и т. п. Отчасти соглашаясь с этим, он в то же время считал принципиально невозможным для себя как писателя равняться на некий «усредненный» уровень и тем более сознательно опускаться до «полуискусства для „некультурных масс“» (О театре и драматургии. Т. 1. С. 144).

Представленная Л. ветвь интеллектуально-философской драмы, получившая мощное развитие на Западе (например, в творчестве его младшего современника Б. Брехта), для советской драматургии последующих десятилетий, в силу ряда причин, оказалась не столь плодотворной. Более заметно влияние лит. творчества Л. на формирование и развитие советской исторической драматургии.

Собр. пьес Л. издавались трижды: в 1924 (2-томное, прижизненное), 1935 и 1963. Но и они, вместе взятые, не отражают всего объема его драматургического наследия. Более полное представление о сделанном Л. в качестве театрального автора дает статья его дочери И. А. Луначарской (Театр. 1982. № 8. С. 55–69), где устанавливаются атрибуция, время и место написания известных на сегодняшний день его драматических произведений.

Соч.: Пьесы / вступ. статья А. Дейча. М., 1963; О театре и драматургии: Избранные статьи: в 2 т. М., 1958; СС: в 8 т. Литературоведение. Критика. Эстетика. М., 1963–67; ЛН. Т. 82. А. В. Луначарский. Незданные материалы. М., 1970; Автобиография // ЛН. Т. 80; В. И. Ленин и А. В. Луначарский: Переписка. Доклады. Документы. М., 1971.

Лит.: Оснос Ю. Драматургия революционной мысли // Театр. 1969. № 8; Лебедев А. А. Эстетические взгляды А. В. Луначарского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1970; Трифонов Н. А. А. В. Луначарский и советская лит-ра. М., 1974; А. В. Луначарский: Исследования и материалы. Л., 1978; Луначарская И. Драматургическое наследие А. В. Луначарского // Театр. 1982. № 8; Ефимов В. В. Летопись жизни и деятельности А. В. Луначарского: в 3 т. Душанбе, 1992.

В. П. Муромский

ЛУНЦ Лев Натанович [19. 4 (2.) 5.1901, Петербург — 8.5.1924, Гамбург] — драматург, прозаик, лит. и театральный критик.

Отец, Натан Яковлевич Лунц, — известный в Петербурге фармацевт. Мать, Анна Ефимовна Рабинович, — пианистка. По окончании в 1918 с золотой медалью 1-й Санкт-Петербургской гимназии Л. поступил на историко-филол. ф-т Петроградского ун-та. Через

Л. Н. Лунц

год, сдав экстерном экзамены за 3 курса, был переведен на 4-й курс. Одновременно занимался в педагогическом ин-те, имевшем углубленную программу изучения иностр. яз., посещал занятия Лит. студии при Доме искусств (1919–24). В 1923 окончил этнолого-лингвистическое отделение ф-та общественных наук ун-та и получил предложение заняться науч. работой на кафедре романо-германской лит-ры ун-та. Будучи студентом ун-та, был принят на работу (в конце 1921) в ин-т Истории искусств в качестве науч. сотрудника 2-й категории по разряду истории словесных искусств (ЦГАЛИ. СПб., Ф. 82). Обладая блестящими способностями, глубокими знаниями в области лит-ры, талантом исследователя, Л. бесконечно много обещал.

Лит. деятельность Л. была недолгой, но необычайно разнообразной. «Лунц не вошел, а стремительно влетел в литературу, легко перешагнув порог распахнувшейся двери», — вспоминал В. Каверин (С. 195). За четыре с небольшим года Л. успел написать несколько десятков произведений: 5 пьес, рассказы, несколько киносценариев, ряд теоретических и исследовательских статей, эссе, рецензий. Имя Л. стало известно в первую очередь в связи с лит. группой «Серапионовы братья» (1921–29), образовавшейся при Лит. студии Дома искусств. Одним из организаторов, теоретиком и душой группы был Л. Занятия в студии, а также дружба с М. Горьким, высоко оценивавшим талант Л., сыграли значительную роль в становлении

Л.-писателя. Творчество Л. развивалось в русле поисков формальной школы 1920-х, в произведениях ощутимо влияние идей Е. Замятина, В. Шкловского, студийных наставников и друзей «серапионов». Все работы подчинены единой цели: поиску новых форм совр. лит-ры. Первые произведения Л., посвященные драматургии, вопросам сценического искусства, появляются в печати (газ. «Жизнь и искусство») уже в конце 1919: «**Об инсценировке сатирических романов**» (4–5 нояб.); «**Детский смех**» (30 нояб.); ряд статей 1920: «**Творчество режиссера**» (9 янв.); «**Театр Ремизова**» (15 янв.); «**Мариводаж**» (16, 19, 21 янв.).

Л. пробовал свои силы в различных жанрах. В 1920 его рассказ «**Врата райские**», представленный на конкурс прозаических произведений Дома литераторов, получил третью премию. Текст рассказа не сохранился, и составить о нем некоторое представление можно лишь по отчету жюри, где он охарактеризован как «...вещь гротескная, в которой чувствуется связь с Гоголем и Достоевским, связь, осложненная современными приемами игры с формами. <...> В авторе виден человек, искушенный в вопросах литературной формы» (ИРЛИ. Ф. 98). В основе сюжета мн. рассказов Л. библейские мотивы. Наиболее известен рассказ «**В пустыне**» (Серапионовы братья. Альм. первый. Пг., 1922), повествующий об исходе евреев из Египта. Был высоко оценен М. Горьким. Удачную попытку стилизации библейской легенды и хороший стиль отмечали И. А. Груздев (Книга и революция. 1922. № 3), Е. И. Замятин (Лит. записки. 1922. № 1), Ю. Н. Тынянов (Книга и революция. 1922. № 6). Среди отрицательных отзывов — рецензия А. Воронского, охарактеризовавшего его как повесть «об одних жестокоствах, зверствах, человеческой гнусности» (Красная новь. 1922. № 3). Легенда о преданности, любви, долге — в основе сюжета «**Рассказа о скопце**» (впервые опубли.: Из творческого наследия советских писателей. Л., 1991). Трагические размышления самого Л. о выборе родины послужили основой для рассказа «**Родина**» (Еврейский альм. Пг., 1923). В 1921 его родители, уроженцы Литвы, восстановив литовское подданство, уехали за границу и поселились в Гамбурге. Л. принял решение остаться в России: «...Россия — моя родина, и Россию я люблю больше всех стран» (из письма М. Горькому от 16 авг. 1922 // Лица. № 5. С. 336).

С середины 1922 вокруг имени Л. не прекращались споры, вызванные его острополемическими статьями теоретического характе-

ра и собственно лит. произведениями. От имени «Серрапионовых братьев» Л. выступил с манифестом **«Почему мы Серрапионовы братья»** (Лит. записки. 1922. № 3), где провозглашалась независимость худож. творчества от политических и общественных задач: «Мы верим, что литературные химеры — особая реальность, и мы не хотим утилитаризма. Искусство реально, как сама жизнь. И, как сама жизнь, оно без цели и без смысла: существует, потому что не может не существовать». Л. полагал, что прежняя лит-ра, с ее психологизмом, медлительна, инертна, однообразна, и необходимо влить в нее новую энергию движения. Полемические суждения, высказанные в статье, послужили мишенью для критики. Воспринятая как программный документ «Серрапионовых братьев», статья на самом деле выражала главным образом личные уклонения автора. Свою приверженность сюжетной лит-ре Л. декларировал также в статьях **«Об идеологии и публицистике»** (Новости. 1922. № 3), **«На Запад!»** (Беседа. 1923. № 3). 22-летний автор воинственно отстаивал свое понимание автономности искусства и, будучи убежденным западником, призывал учиться у западного авантюрного романа построению фабулы, действия, интриги, подражать Западу «...сперва рабски, как плагиаторы, потом осторожно <...>, насыщая завоеванную фабулу русским духом, русским мышлением, русской лирикой» (Там же. С. 272). Статья получила положительный отзыв М. Горького, поместившего ее в берлинском ж. «Беседа».

Основная сфера интересов Л.— драматургия, в этой области отчетливо проявилось тяготение к западноевропейским традициям. Перу Л. принадлежат 5 пьес: **«Сын шейха»** (1919; неопубл.), трагедии **«Вне закона»** (Беседа. 1923. № 1), **«Бертран де Борн»** (альм. Город. 1923. № 1), фарс **«Обезьяны идут»** (Веселый альм. Пг., 1923), **«Город Правды»** (Беседа. 1924. № 5). Интерес в лит. и театральные круги вызвали пьесы «Вне закона» и «Бертран де Борн». В 1923 Александринский театр готовил пьесу «Вне закона» к постановке, но, получив отрицательный отзыв А. В. Луначарского («политический памфлет на диктатуру пролетариата в России» // ЛН. Т. 82. С. 378), снял ее с репертуара. Позднее была поставлена в Кельне, Праге, Палестине. Положительно оценена М. Горьким, Е. Замятыным. Отвергая театр чеховский, будничныи, связанный с подробностями быта и психологическими установками, Л. провозглашал театр бури и натиска: «Вместо театра голого быта и голых фо-

кусов я попытался дать театр чистого движения. <...> Не чувств требую я, а страстей, не людей, а героев, не правды житейской, а правды трагической»,— писал он в послесл. к пьесе «Бертран де Борн». Критикой был отмечен схематизм, нагромождение эпизодов, плохой лит. язык пьесы. В пьесе «Город Правды» автор размышляет над традиционными для русской лит. школы нравственно-философскими вопросами «как жить?», «возможно ли всеобщее счастье и равенство на земле?». И если пьесы Л. с точки зрения формы не традиционны для русской драматургии, то их внутренний пафос, поиск нравственных начал близок линии чеховского театра.

Среди работ Л.-критика следует назвать статьи **«Посмертная литература о Блоке»** (Ежегодник РО Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004) **«Новые поэты»** (Там же), **«Цех поэтов»** (Кн. угол. 1921. № 8), свидетельствующие о достаточно тонком понимании поэзии. Его рецензия на перевод трактата Данте «О народной речи» (Книга и революция. 1922. № 6), выполненный Вл. Б. Шкловским, обнаруживает глубокие знания в области итальянской филологии, латинского яз. Внимательно анализировал Л. и творчество своих собратьев «серрапионов», упрекая их в приверженности бытовизму, отсутствию в произведениях сюжетной интриги (рец. на кн. Вс. Иванова «Седьмой берег». М.; Пг., Круг. 1922 // Книга и революция. 1923. № 1).

Тяжелый быт петроградских зим 1919–21, полугодное существование в сырой комнате Дома искусств, напряженная творческая работа серьезно подорвали и без того слабое здоровье Л. Уже в 1922 требовалось безотлагательное лечение. В 1923 возникла возможность науч. командировки в Испанию, где он одновременно должен был пройти курс лечения. В Гамбурге, куда Л. прибыл в июне 1923, состояние резко ухудшилось. Последние месяцы жизни он провел в санатории под Франкфуртом, затем в гамбургской больнице, но продолжал много и успешно работать.

Одним из увлечений Л. был кинематограф, близкий ему своим динамизмом. Еще в Петрограде для импровизированных пародийных представлений, устраиваемых им в Доме искусств, он написал несколько киносценариев и сценарий для приключенческого фильма **«Завещание царя»**. В последний год жизни создал киносценарий **«Восстание вещей»** (Новый ж. Нью-Йорк. 1965. № 79).

Впечатления о жизни русских эмигрантов в Берлине легли в основу автобиографического эссе **«Путешествие на больничной койке»** (Новый ж. Нью-Йорк. 1968. № 90).

В последние месяцы создавалась и задуманная ранее пьеса «Город Правды». Одна из последних значительных работ Л.— незавершенная теоретическая статья (Новый ж. Нью-Йорк. 1965. № 81), содержащая характеристику «Серрапионовых братьев» по их приверженности к западным либо восточным традициям лит-ры.

После безуспешного лечения Л. скончался от эмболии мозга. В некрологе «Памяти Лунца» М. Горький охарактеризовал его как большого, оригинального художника. «Живи он, работай, <...> русская сцена обогатилась бы пьесами, каких не имеет до сей поры. В его лице погиб юноша, одаренный очень богато,— он был талантлив, умен, был исключительно — для человека его возраста — образован» (Беседа. Берлин, 1924. № 5. С. 62).

Соч.: Исходящая № 37 // Россия. 1922. № 1; Не-нормальное явление // Петербург. 1922. № 2; Обольститель // Мухомор. 1922. № 3; Завещание царя: Неопубликованный сценарий: Рассказы. Статьи. Рецензии. Некрологи / сост. и предисл. В. Шрика. Мюнхен, 1983; Через границу // Лица. М.; СПб., 1994. № 5; Вне закона: Пьесы. Рассказы. Статьи / вступ. статья С. М. Слонимского; послесл. М. Вайнштейна. СПб., 1994; Переписка Л. Н. Лунца с М. Горьким // Лица. М.; СПб., 1994. № 5.

Лит.: Берберова Н. Н. Из Петербургских воспоминаний // Опыты. Нью-Йорк, 1953. Кн. 1; М. Горький и советские писатели: Неизданная переписка // ЛН. М., 1963. Т. 70; Иванов Вс. СС: в 8 т. М., 1958. Т. 8; Каверин В. А. В старом доме: Воспоминания // Звезда. 1971. № 9; Лев Лунц и «Серрапионовы братья» / публ. Г. Керна // Новый ж. Нью-Йорк, 1966. № 82; Минокин М. В. «Серрапионовы братья» в зарубежных изданиях // Русская лит-ра. 1971. № 1; Слонимский М. Л. Завтра: Проза. Воспоминания. Л., 1987; Чуковский Н. К. Лит. воспоминания. М., 1989; Иванович М. Полилог о Конце: Блок — Маяковский — Лунц // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева / сост. и общая ред. М. Б. Мейлаха и Д. В. Сарабьянова. М., 2000; Молдавский А. Ф. Лунц Лев Натанович // Русские писатели XX века: Биографический словарь / главный ред. и сост. П. А. Николаев. М., 2000; Ичин К. Драмско стваралаштво Лава Лунца. Белград, 2000; Фрезинский Б. Судьбы Серрапионов (Портреты и сюжеты). СПб., 2003.

Т. А. Кукушкина

ЛЮЛИН Александр Сергеевич [28.11.1955, д. Посадниково Грязовецкого р-на Вологодской обл.] — поэт.

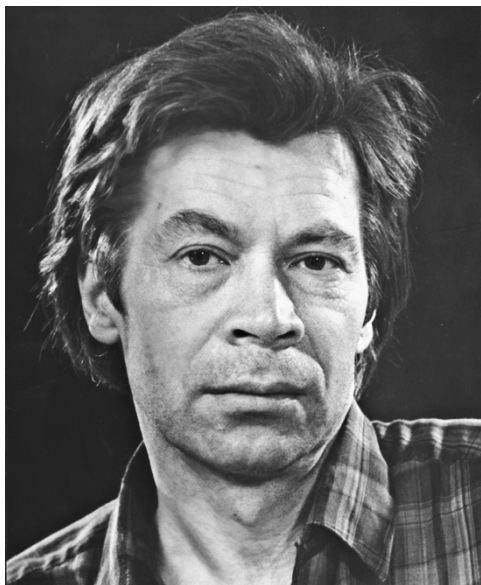
Мать — крестьянка, отец военный моряк, затем механизатор, председатель колхоза, военкор. Младенческие годы Л. прошли в доме его крестной матери — тайной монахини. С 6 лет Л. работал в деревне подпаском, па-

стухом. В 1966 переехал в г. Отрадное Ленинградской обл., где окончил школу. После службы в армии работал на производстве.

Стихи пишет с детства, первая публикация — в 1976 в газ. «Ленинское знамя» (г. Тосно). Занимался в ленинградском ЛИТО «Радуга», руководитель которого, Е. А. Вечтомова, писала в 1980: «Имя Люлина уже хорошо известно среди литераторов. Поэт он растущий, думающий, интересно видящий мир. В литобъединении „Радуга“ он — лауреат премии им. Ю. Инге (за стихи памяти В. Шукшина). Заметно, насколько яснее, чище, ярче стало его творчество» (цит. по: Лит. Петербург. 2000. № 1). Л. был участником, а позже — руководителем творческих семинаров Конференций молодых литераторов Северо-Запада. В 1993 принят в СП России. В 1993–95 учился на Высших лит. курсах при Лит. ин-те им. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова). В 1995–96 работал в петербургском храме Георгия Победоносца.

Стихи Л. публиковались в газ., ж., коллективных сб.: «Молодой Ленинград», «Лит. Россия», «Наш современник», «Аврора», «Нева», «Звезда», «Север», «Русский вестник», «Православный Санкт-Петербург» и др.

Первая книга стихов Л., «**Заповедник**», вышла в 1983. С первого же стих. был заявлен масштаб поэтической мысли: «Прохлады звезды. Мир высок. / Во сне ворочаясь, Россия / Дыханьем греет мне висок...» Автор пробует разные стили, интонации. В стихах звучат цитаты из Есенина («Что же я тоскую,

А. С. Люлин